

Вы смогли бы, живя в одной квартире с мужем, написать ему письмо на 24 страницах? А вот жена Владимира Познера объяснилась с супругом именно таким способом! И дело тут, конечно, не в объеме послания — хотя, чего греха таить, многие из нас давно забыли, как эти самые письма пишутся. Семья Познера в этом смысле консервативна, может быть, даже старомодна. Но когда муж просит у жены прощения в письменном виде, это, знаете ли, уже не недостаток. Скорее — наоборот.

ВЛАДИМИР Я не мог просто так переспать

— Владимир Владимирович, я тут пыталась подсчитать, сколько лет вы живете с Екатериной Михайловной — получилось, что-то около сорока...
— Нет, много у вас получается... Дело в том, что мы оба женаты вторым браком, и поэтому — тридцать лет.

Бывает, что жизнь не складывается. Я вас уверяю, что и для нее, и для меня развод был очень тяжелым. У нас дети, оба женились, любя человека, и то, что семья развалилась, по крайней мере в моем случае, можно отнести к целому ряду факторов: и к отсутствию опыта, и к тому, что мы вынужденно жили с матерью моей жены. Так что тут никаких знаков ставить нельзя — ни плюс, ни минус.

— Может, одной из причин развода было и то, что тогда вы еще немного зарабатывали и в финансовом отношении брак был не очень благополучный...

— Я не знаю, откуда вы это взяли — сразу после окончания университета и когда потом работал у Самуила Яковлевича Маршак действительно зарабатывал немного, но, перейдя в агентство печати Новости, стал получать сперва 190 рублей, затем 225, и это считалось очень даже прилично. Не великие деньги, но все-таки можно было на рынок ходить.

— Маршак с высоты прожитых лет считал вас, видимо, совсем мальчишкой, говаривая: «Эх, Владимир Владимирович, поедете в Англию... Вы будете завлекать красивых женщин...?»

— Нет, не так: «Мы там с вами купим фиакр, вы будете сидеть на козлах и завлекать красивых женщин, а внутри буду сидеть я, потому что вы не знаете, как с ними обращаться». Но это была шутка. Я пришел к нему в 59-м году уже женатым, мне было 25 лет, он же — многоопытный, с тонким чувством юмора. Маршак никогда красавцем не был: маленького роста, довольно полный, хотя к тому времени уже очень исхудал, но — необыкновенно умен, остроумен, блестящий рассказчик... Думаю, он мог пользоваться успехом у женщин. А я-то был относительно высокий, довольно хороши собой, знал языки. И он давал мне понять, что все это внешние вещи, вот шармантному обращению надо учиться.

— Зато от ваших внешних качеств девушки, видимо, просто штабелями падали?

— Мне говорили... что падали, но я был очень строгих правил. Мама моя, француженка из буржуазной семьи с аристократическими оттенками, когда-то воспитывалась как католичка, но потом от веры отошла. Отец из русско-еврейской разночинной интеллигенции. У них была очень сложная жизнь. Тем не менее мама всегда любила отца и, несо-

Владимир Владимирович считает, что нужны здоровье и уверенность в завтрашнем дне, но пока нет запаса прочности, при котором он мог бы считать себя абсолютно независимым. Супруга хотела бы иметь свой домик под Москвой и продлить здоровую жизнь, которая позволила им делать то, что любят, и быть вместе.

— Если бы сейчас, как 30 лет назад, пришлось начинать семейную жизнь, вы бы что-нибудь поменяли в своих отношениях?

Муж бы многое сделал по-другому. Были разные вещи, даже чисто бытовые — если бы он тогда их понимал, вероятно, супруги проще бы прошли некоторые этапы. А жена «болтала бы помешаннее до свадьбы»: оба знали слишком много о прошлой жизни друг друга — в первые годы это мешало.

общались, потом стали иногда видеться вне работы. Я, конечно, к ней ни разу домой не пришел, а сам в то время вообще жил непонятно как: расставшись с женой, мне и в голову не пришло претендовать на площадь — пожил у родителей, потом снимал угол, в общем, довольно нездорово все было... Ну и в канун 68-го года просто сказал: «А может, поедем встречать Новый год в другой город, ну все к черту... Скажем, в Таллин?» — «Поедем...»

— И вы стали жить вместе? Но где — вы же оставили квартиру первой супруге?

— Никаких условий не было, мы снимали комнату у одной хозяйки. А поженились только через полтора года: расписались в загсе, потом пошли в ресторан с моими родителями, ее мамой и женщиной, у которой жили, и распили бутылку шампанского. Для нас штамп в паспорте не означал ничего.

В Америке меня называли сексистом

— Вы в совершенстве владеете английским и могли бы спокойно жить в той же Америке, тем более что известны там не меньше, чем здесь...

— Я очень скучал по Америке. Когда уехал оттуда, мне было 15 лет, четыре года жил в Германии и потом уже в Советском Союзе. Уехал из Америки в 49-м, а в 57-м, когда в Москве был Всемирный фестиваль молодежи и студентов и я три недели кантовался с американцами, то понял, что не хочу жить здесь. Не по политическим соображениям, наоборот, тогда я был очень просоветский... Просто то были мои люди.

— Американцы были ближе по духу?

— Да, да... Как люди ходят, общаются, смотрят друг на друга, как сидят и что едят, как смеются — это же все другое. Я понял, что дико скучаю по своему детству и хочу обратно. Конечно, уехать тогда было почти невозможно — 57-й год — да еще с нашей семейной биографией, абсолютно неблагоприятной: отец резидент и т.д. Но думаю, что если бы я и встретил свою первую жену именно летом 57-го года после фестиваля, то нашел бы способ уехать. Меня интересовали не бытовые вещи: колбаса и джинсы, а атмосфера. Но ведь получилось же так, что я пять с гаком лет отработал в Америке! И тут четко понял, что нигде не буду жить спокойно. В Америке — тосковал по своему дому, по друзьям. Когда приехал в Париж после гигантского перерыва, оказалось, что все время хотел туда, потому что там родился. Я помнил вид из окна дома, когда мне было пять лет, и когда оказался там, со мной случилось внутреннее потрясение — я вернулся в пятилетний возраст. Причем ничего не изменилось: как стоял министрство ВВС Франции, так оно и стоит... Просто жизнь сыграла со мной такую шутку: есть три страны, каждая взяла у меня кусок, и мне всегда не хватает одного из них.

— Вы сказали, что американцы вам ближе по духу, а американские женщины?..

— Сказать, что все американки — феминистки? Нет, они в меньшинстве. Но внутренне американцы в самом деле очень свободные люди. Они могут быть стадом баранов, но в то же время — ты только меня толкни, не имеешь права. И в своих крайних проявлениях феминизм совершенно неприемлем и неприятен: когда я, например, уступаю место женщине в автобусе в Нью-Йорке, а она мне говорит, что я сексист — что, мол, не могу стоять? Да стой на здоровье, конечно, но моя мама так меня воспитала... Хотя то, что в Америке женщины активно настаивают на том, что они не граждане второго сорта, мне нравится, но это не значит, что они не должны быть женственными. Когда же наши мужчины с пренебрежением говорят о феминистках, я слышу в этом внутренний страх мужиков... И если русские женщины необыкновенно привлекательны, то о русских мужчинах я бы этого не сказал, даже физически — вы меня извините...

— Ну откуда я знаю? Наверное, нет. Они работали в другом здании и просто приехали посмотреть, а я-то ведь этого не знал — вышел в коридор и увидел, как навстречу мне вроде плывет какая-то женщина. Очень хорошо помню, как она была одета, царственная походка — и... абсолютное безразличие на лице. Я про себя отметил, что это очень красивый человек, но я был женат — смешно говорить, — и она прошествовала мимо. Вскоре у меня начались беды в семье, а через некоторое время мне предложили работать в «Спутнике» ответственным секретарем. Ее послали ко мне в кабинет, и так получилось, что и у нее, и у меня развалились семьи. И тот факт, что мы оба были в довольно плохом состоянии, сблизил нас... Полгода просто

конце-то концов, вот уж был интеллигентный, умный, яркий, гениальный и ведь не выдержал... Если любишь человека, то не ревновать не можешь. Другое дело, что ты должен себя сдерживать — нельзя мучить его, исчезать и приходить черт знает в каком часу. И во мне ревность есть... А как же? Когда Катя долго нет, очень сильно переживаю.

— Сколько видишь примеров: люди живут вместе много лет, все вроде хорошо, но уж как-то рутинно — каждый день одно и то же, они просто привыкли друг к другу... Ваша любовь за 30 лет претерпела изменения?

— Вы знаете прекрасно, что даже не за 30 — за три года любовь претерпевает изменения: люди глубже узнают друг друга, становятся старше... — Нет, я о другом — не поистерлись ли чувства, осталась ли хоть доля той

романтики, что была 30 лет назад, и не превратилась ли любовь, простите, просто в хорошо отлаженный механизм?

— Мне кажется, до тех пор, пока есть внутренний страх, что ты можешь потерять этого человека, романтика и сама любовь остаются.

— А такой страх есть сейчас, когда вы уже столько пережили вдвоем?

— У меня — безусловно.

ЕКАТЕРИНА
Иногда он провозжал меня домой...

— ...Вы шли царственной походкой, с совершенно безразличным взглядом — так не поворачивался вам красавец Познер или, напротив, не хотели показывать, что он вам интересен?

— Ну, не совсем с безразличным. Девушки, которые были от него в восторге и втайне любили, очень переживали: у него начались неполадки в семье, и изумительно синие глаза вдруг погасли. И я решила посмотреть на человека, из-за которого постоянно в редакции проливались слезы — были две женщины, которые, возвращаясь, просто плакали от восторга. Он был очень красив, он и сейчас красив по-своему, но тогда — молодой бронет с яркими синими глазами, очень красивое лицо, статная фигура... Правда, мои мысли в это время были заняты своей неудавшейся жизнью — я тоже только рассталась с мужем после 10 лет жизни и вообще не очень любила красивых мужчин. Поскольку он был такой красивый, что глаз оторвать было невозмож-

но, то я даже перестала вспоминать о нем.

— И надо же было такому случиться, что вскоре вы стали вместе работать! Человек, конечно, кузнец своего счастья, но иначе как судьбой подобные вещи, по-моему, не называются.

— Да, вскоре он появился у нас на работе, и довольно долго я его просто не замечала. А когда нас послали работать в одной комнате, специально поставила стол так, чтобы сидеть спиной к Владимиру Владимировичу. Я и поплакать иногда могла: у меня был очень трудный период — ушла из дома, пришлось расстаться с сыном (сейчас Петр Орлов — собкор НТВ в США. — Т.Н.), потому что негде было жить. Он тоже страдал, что расстался с женой, хотя мы оба были инициаторами развода. — Как долго я тебя искала... — мно-

фото Сергея Петрухина

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР И ЕКАТЕРИНА ОРЛОВА: ДЛЯ НАС ШТАМП В ПАСПОРТЕ НЕ ОЗНАЧАЛ НИЧЕГО!

романтики, что была 30 лет назад, и не превратилась ли любовь, простите, просто в хорошо отлаженный механизм?

— Мне кажется, до тех пор, пока есть внутренний страх, что ты можешь потерять этого человека, романтика и сама любовь остаются.

— А такой страх есть сейчас, когда вы уже столько пережили вдвоем?

— У меня — безусловно.

ЕКАТЕРИНА
Иногда он провозжал меня домой...

— ...Вы шли царственной походкой, с совершенно безразличным взглядом — так не поворачивался вам красавец Познер или, напротив, не хотели показывать, что он вам интересен?

— Ну, не совсем с безразличным. Девушки, которые были от него в восторге и втайне любили, очень переживали: у него начались неполадки в семье, и изумительно синие глаза вдруг погасли. И я решила посмотреть на человека, из-за которого постоянно в редакции проливались слезы — были две женщины, которые, возвращаясь, просто плакали от восторга. Он был очень красив, он и сейчас красив по-своему, но тогда — молодой бронет с яркими синими глазами, очень красивое лицо, статная фигура... Правда, мои мысли в это время были заняты своей неудавшейся жизнью — я тоже только рассталась с мужем после 10 лет жизни и вообще не очень любила красивых мужчин. Поскольку он был такой красивый, что глаз оторвать было невозмож-

но, то я даже перестала вспоминать о нем.

— И надо же было такому случиться, что вскоре вы стали вместе работать! Человек, конечно, кузнец своего счастья, но иначе как судьбой подобные вещи, по-моему, не называются.

— Да, вскоре он появился у нас на работе, и довольно долго я его просто не замечала. А когда нас послали работать в одной комнате, специально поставила стол так, чтобы сидеть спиной к Владимиру Владимировичу. Я и поплакать иногда могла: у меня был очень трудный период — ушла из дома, пришлось расстаться с сыном (сейчас Петр Орлов — собкор НТВ в США. — Т.Н.), потому что негде было жить. Он тоже страдал, что расстался с женой, хотя мы оба были инициаторами развода. — Как долго я тебя искала... — мно-

гозначительно говорит героиня известной мелодрамы. Вы «искали» Познера?

— Нет, тогда у меня было много поклонников — прошел уже год или полтора, как я была одна. Сегодня это назвали бы сексуальными притязаниями, в основном это были руководители журнала и издательства, где я работала, — они меня вообще преследовали, как бы наказывая за то, что я шла с кем-то обедать или кто-то меня провожал домой. И Владимир Владимирович возник в моей жизни как человек, который вдруг это почувствовал и встал на защиту. Иногда он провожал меня домой, мы разговаривали, выяснилось, что у нас много общего в отношении к искусству, к музыке. Но то были спокойные дружеские отношения двух людей, попавших в беду. Потом они углублялись, углублялись, и вдруг стало ясно, что нам просто не хочется расставаться. Мы стали жить вместе и, по-моему, около двух лет прожили в гражданском браке.

— На вас не смотрели косо — по-моему, в те годы еще как-то не очень было принято жить в гражданском браке?

— Нет, к тому времени мы уже научились не обращать внимания на косые взгляды. Мы много путешествовали, но Владимир Владимирович был невыездым — за границу поехать не могли, а, скажем, Эстонию, Латвию, Литву, Грузию очень любили, и каждый раз в гостинице возникали неприятности, потому что мы жили в одном номере, сняв два. Нас это раздражало, и в конце концов мы решили расписаться, но свадьбы не было.

Какие подарки вообще? Мы были достаточно скромно обеспеченными людьми.

— Ну он же работал, да и вы дома не сидели?!

— Ну и что — работал. Он отдавал почти всю зарплату жене, чтобы девочку можно было воспитывать. Я воспитывала своего сына, было очень тяжело, родители мне не помогали, как бы наказав за то, что ушла от мужа. По существу, мы только начинали жизнь: снимали комнату и собирали денежки, чтобы купить нашу первую однокомнатную кооперативную квартиру — восемь лет нам на это потребовалось. Помню, как гуляли с Владимиром Владимировичем в одну из первых встреч: мы шли в сторону нового Арбата, и мне безумно хотелось есть, но я понимала, что у него нет ни одной копейки в кармане, и не могла сказать: «давай зайдем в какое-нибудь кафе» или «пойдем посидим в ресторане». Помню страшное чувство голода и понимание того, что не имею права сказать ему об этом, потому что знаю, в какое положение его поставлю.

— И тем не менее решились выйти за него замуж...

— Я ушла от очень обеспеченного мужа, у меня было все, что тогда в материальной жизни имело значение, потому что муж занимал высокий пост: были — сейчас смешно говорить — и «кремлевка», и персональная машина, и государственная дача. И я ушла, потому что все десять лет у меня были такие тяжелые отношения с его мамой, а в результате и с ним, что я уже не могла так оставаться. Поэтому для меня не имело значения, как мы будем жить. Тогда все — и очень богатые люди, и очень небогатые — жили примерно одинаково, и деньги не играли никакой роли, потому что купить ничего нельзя было. Так, хватало на каждый день.

— А тот факт, что девушки ходили со слезами на глазах, убиваясь по Владимиру Владимировичу, не мешал вам?

— Он внушает чувство уверенности. Жизнь подтвердила, что его эмоции всегда основательны, глубоки и он преданный человек. И вообще совершенно необычный. Я считаю, мне просто повезло.

Познер любил стирать

— Любовь, как мы тут с Владимиром Владимировичем выяснили, изменяется с годами, тем не менее — может ли он сейчас не усли не объясниться в любви, то проявить нежность, сказать какие-то ласковые слова?

— Конечно. Например, после ссор у нас бывают приятные примирения... Раньше я была больше склонна к компромиссам, уступала, а сейчас хочется доказать правоту. Владимир Владимирович — очень категоричный человек, увлекается страшно, при этом ничего не видит, а как женщина что-

ВДВОЕМ БЫЛИ

— Семейные традиции: Всегда отдыхают вместе. Владимир Познер никогда не понимал людей, которые отдыхают врозь — тогда для чего быть вместе? Всегда с детьми и очень близкими друзьями отмечают Новый год и дни рождения.
— Что бы вы еще хотели для своей семьи?

